

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ХИЩНАЯ
ДИАСПОРА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Хищная диаспора

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Хищная диаспора / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-093912-1

С выставки новейшего вооружения похищен уникальный прибор для борьбы с беспилотниками. Выяснилось, что это дело рук Рагима Арсланова, главаря банды, прибывшей в Дагестан из Сирии. На поиски украденного образца на Северный Кавказ направляется взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Виталия Лукрепчиева. Прибыв в родное село террориста, спецназовцы узнают, что скрывающийся в горах Арсланов периодически появляется дома, пробираясь через подземный ход. Организованная засада провалилась – бандиту удалось уйти. Тогда Лукрепчиев разрабатывает новую операцию, главная роль в которой отводится... дочери главаря.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093912-1

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Васильевич Самаров

Хищная диаспора

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Мой взвод, естественно, вместе со мной, был удостоен немалой чести. Нам было поручено представлять российские части спецназа ГРУ на международном форуме «Армия-2017».

В принципе, как я понял, мы не должны были показывать свою собственную боевую подготовку. Если бы дело шло к этому, то я посчитал бы такую миссию очень почетной для взвода, тем не менее удивился бы тому факту, что по данному поводу не было проведено никаких отборов и проверок. Но мы, как нам подсказали отцы-командиры, должны были демонстрировать только сильные стороны российских средств ведения боевых действий, то есть оружие.

При этом потенциальные покупатели будут предупреждены о том, что мы сами знакомимся с этими вещами только здесь и сейчас. Нам предстояло убедить их в том, что с такими новинками без проблем справится даже новобранец. Короче говоря, нас обязали провести сеанс очковтирательства, поскольку все мы салагами вовсе не были.

Я имел все основания считать, что с этим вполне справились бы простые солдаты из мотострелковых частей. У командования не было необходимости отрываться от занятий по боевой подготовке нас, опытных бойцов, всегда востребованных в любой горячей точке.

Можно было поступить и немного иначе – сразу поставить задачу мне. Тогда я выехал бы на форум в сопровождении одного или двух своих бойцов. Весь остальной личный состав взвода оставался бы на базе и продолжал бы спокойно заниматься боевой подготовкой под командованием моего заместителя.

Но кто-то необдуманно отдал приказ, и на мероприятие был отправлен весь взвод целиком. С волей высокого начальства подчиненные, как известно, не спорят.

Честно скажу, мне непонятно было, зачем всех нас с Кубани вытащили в Москву. Я вернулся оттуда только полтора месяца назад, после окончания первого из трех предполагаемых десятидневных курсов по экстремальному вождению автомобилей.

Мой парень должен был продемонстрировать на форуме возможности снайперской винтовки Чукавина. Это новое детище концерна «Калашников» по сути своей представляло собой дальнейшее развитие снайперской винтовки Драгунова, самой распространенной в войсках.

Сержант Сухогоров с удовольствием это сделал. Хотя мне снайпер признался в том, что ни за что не променял бы свою винтовку «Выхлоп» на новинку концерна «Калашников».

Я бы тоже не посоветовал ему это делать, потому что наличие «Выхлопа» в арсенале взвода меня, командира, очень даже устраивало. Эта мощная винтовка с интегрированным глушителем способна в боевой операции пробить стену дома, развалить кладку толщиной в два кирпича. В условиях гор ее пули, как орехи, раскалывают камни среднего размера, за которыми прячутся бандиты.

Еще лучше работает винтовка «Корд», которой вооружен второй снайпер взвода младший сержант Сережа Агафонов. Пуля «Корда» на дистанции в тысячу метров при попадании в корпус просто разрывает человека пополам, не делая при этом из одного бандита двоих. Террористы, в отличие от Змея Горыныча, не умеют размножаться подобным образом.

Да и третий взводный снайпер младший сержант Юра Катков тоже сказал мне, что не стал бы менять свой привычный «Винторез» на новую винтовку.

Пусть снайперские винтовки Чукавина поставляются в войска. Там они могут пригодиться при проведении общевойсковых операций. У спецназа есть свои задачи. Нам требуется оружие, соответствующее специфике нашей службы. Так я и сказал представителю концерна, с которым мы и имели дело.

Но Вася Сухогоров отстрелял из новой винтовки на оценку «отлично». Этот факт, конечно, произвел впечатление на представителей различных армий мира, присутствующих на

форуме. При этом кучность попаданий оказалась даже выше той, которая указывалась в технической характеристике этого оружия. Думаю, что это было больше его заслугой, чем самой винтовки. Но иностранцам такой вот результат, разумеется, очень понравился.

Я обратил внимание, что больше всего среди них было представителей африканских стран. Все они являлись потенциальными покупателями российского оружия. Им винтовка, кажется, понравилась.

После этого весьма симпатичная особа, работавшая в концерне, провела меня в самый дальний закуток своего павильона. Там она показала мне какую-то штуковину, установленную на столе и до поры до времени накрытую маскировочной сеткой.

– Вот это и надо будет продемонстрировать, – сказала приятная дама.

– А что это за штука такая? – осведомился я.

– Прибор называется REX 1, относится к нелетальному оружию. Грубо говоря, это убийца беспилотников.

REX 1 был похож на некий весьма футуристический автомат. Только вот вместо ствола у него имелось нечто такое, что описать было довольно трудно. По форме это напоминало небольшой кабачок с огорода моей жены, вернее сказать, половину такового. Даже я, весьма далекий от науки человек, понял, что это какой-то электронный прибор направленного действия.

Я приподнял сетку, увидел коллиматорный прицел «ЕОТех» и лазерный целеуказатель.

– Насадку руками лучше не трогать, – предупредила меня очаровательная сотрудница концерна.

– Что может со мной случиться?

Признаться, не люблю оружие, которое опасно и для человека, применяющего его.

– Не с вами. Я просто опасаясь за оружие. Это головка высокочастотного излучателя. Прибор достаточно тонкий, деликатный. Сейчас он настроен. Я не специалист, не знаю, что будет, если его пошевелить. Я могла бы дать вам консультацию по какому-то стрелковому оружию.

– Спасибо. Не надо. Такую консультацию я могу дать вам сам, – вежливо отказался я. – Причем по какому угодно огнестрелу любой страны мира.

– Рада за вас. Не буду спорить. Мы всегда прислушиваемся к словам тех людей, которые эксплуатируют наше оружие, и уважаем их мнение больше своего собственного. А вот REX 1 – это детище фирмы «Zala Aero Group. Беспилотные системы». Она входит в наш концерн. Надо спросить специалиста. Вот, кстати, Алексей как раз на месте оказался. Это один из разработчиков. – Дама кивнула в сторону человека, сидящего неподалеку за ноутбуком.

Признаюсь, что мое любопытство было не праздным. Я имею значительный опыт участия в боевых действиях, знаком со сложными условиями, в которых работает спецназ, поэтому и не люблю различные сверхтонкие приборы, которые надо чрезмерно беречь.

Служба у нас такая. Нам с оружием в руках приходится бегать, прыгать, кувыряться и десантироваться. Автомат, снайперская винтовка, пулемет и даже такой вроде бы хрупкий прибор, как планшетник от оснастки «Ратник», это все выдерживают. Я искренне не понимал, каким именно образом в наших условиях можно использовать оружие, которое следует беречь как хрустальный фужер, лежащий в кармане под бронежилетом.

Женщина подвела меня к человеку, сидевшему за ноутбуком, и задала ему мой вопрос.

– Ничего с ним не будет, – ответил Алексей. – Во-первых, система не включена. Во-вторых, головка наведения ударопрочная. Она не боится даже куда более сильного воздействия, чем прикосновение человеческих рук. Возможно, пуля и сможет ее повредить, но никак не человеческие пальцы. Тем более что сейчас там стоит вообще другая головка, предназначенная для подавления сигналов сотовых телефонов и радио. Она еще более прочная.

– Эта штука еще и как глушилка работает? – поинтересовался я, используя привычную армейскую терминологию.

– При создании прибора мы ставили перед собой целый ряд задач. Одна из них состоит в том, чтобы направленным воздействием высокочастотного излучателя подавлять сигналы, подаваемые на взрывные устройства. Если уж разные приборы работают по аналогичному принципу, то почему бы не совместить два в одном? При необходимости можно будет навести излучатель на какую-то подозрительную коробку, оставленную в людном месте, и спокойно дожидаться прибытия саперов. В перспективе мы планируем разработать различные насадки, способные, к примеру, остановить движущийся автомобиль. Для этого будет необходимо снабдить REX 1 фонарем с функцией стробоскопа, настраивающего угол опережения зажигания. Понадобятся лазеры видимого спектра. Мы занимаемся и усовершенствованием аккумулятора. Пока он позволяет работать без перезарядки только три часа.

– Дельная вещь, – согласился я, зная, что говорю.

Террористы обычно используют радиоуправляемый взрыватель или самый обыкновенный мобильный телефон. Подобная система поможет предотвратить взрыв.

– При демонстрации нам вменяется в обязанность обезвредить учебные беспилотники? Или мы будем и глушилку демонстрировать? – осведомился я.

– Ага! – обрадовался Алексей. – Я принял вас за представителя заказчика, то есть Министерства обороны. А вы, оказывается, и есть тот самый старший лейтенант спецназа, которого нам срочно выделили. Я так думаю, что демонстрировать планируется и то и другое качество аппарата. Но сначала вам придется пройти обучение, опробовать его в работе. Изначально мы планировали, что в демонстрации прибора будут участвовать представители ВДВ. Но у офицера, который уже неплохо пользовался прибором, что-то случилось с матерью. Он вынужден был срочно уехать домой. Вместо него нам предложили вас. Вы согласны поработать на демонстрации?

– Согласен, – решительно сказал я.

– Тогда подходите часам к шести. Пройдете теоретический курс. С боевой модификацией. Прямо здесь, у меня.

– Если есть боевая модификация, то, следовательно, имеется и какая-то другая?

– Да, мы одновременно работаем над гражданской модификацией. Для охранных предприятий, службы МЧС, ФСИН и прочих структур, которым она понадобится. Особенно часто и настойчиво просит такие именно ФСИН. Случается, что к ним на зоны беспилотники залетают и сбрасывают заключенным посылки с наркотиками. Но вас такая модификация волновать не должна. Опробуете сразу боевую. Сначала в теории. Потом, как полигон освободится, отстреляетесь. С операторами беспилотников я договорюсь. Они неохотно идут нам навстречу, боятся свою технику покалечить. Тем не менее эти ребята работают на машинах, созданных в нашей фирме. Поэтому у меня есть рычаги давления на них.

– А что с самими беспилотниками бывает после попадания под высокочастотное облучение? Им становится сильно больно? – поинтересовался я.

Представитель фирмы задумался, не зная, как доступно объяснить это мне, не сведущему в умном железе, потом спросил:

– Вам не доводилось попробовать на себе разряд электрошокера?

– Доводилось. Моя любящая жена купила себе такую штуку и на мне ее испытывала. Ей интересно было, какую одежду пробивает разряд, одолеет ли он шинель, кожаную куртку, дубленку.

– Значит, ощущения вам знакомы.

– Вполне. Один раз она перестаралась, слишком долго держала кнопку нажатой. Я сдуру терпел, пытался не упасть. Потом две недели шея болела, позвонки свело. Пришлось даже к массажисту три раза ходить.

– Вот примерно такой удар получает программное обеспечение беспилотника. После чего он становится неуправляемым. Если атака будет короткой, то другому оператору со своим пультом ничего не стоит перехватить управление на себя и посадить БПЛА в нужном месте. При излучении, длящемся больше десяти секунд, программа управления полностью стирается, и беспилотник падает.

– А если это штурмовой дрон, несущий боезапас? – продолжил я допрос.

– Значит, он взорвется при падении. Следует учитывать, в какое место вы ему разрешите падать. На демонстрации вам будет поставлена задача противостоять сразу трем дронам. Один из них как раз и будет штурмовиком. Оператора для перехвата управления мы вам выделим.

Я остался удовлетворенным тем, что услышал. Вопросов у меня больше не возникло.

– Тогда до вечера, – проговорил я. – В восемнадцать ноль-ноль буду у вас. Я человек военный, пунктуальный.

Пунктуальность свою я продемонстрировал, пришел ровно в назначенное время. Сказалась армейская привычка к точности. При нашей службе невозможно не быть пунктуальным. Для этого вовсе не требуется становиться педантом.

В том закутке, где находился стенд с REX 1, толпились люди в военных мундирах, гражданской одежде и даже три старших офицера полиции. Людей в иностранной форме не было. Уже одно это говорило о том, что здесь проходит вовсе не какое-то официальное мероприятие форума «Армия-2017».

Я издали заметил, что на том самом столе по-прежнему лежит маскировочная сетка, но уже ничего не закрывает, и попытался подойти поближе. Тут какой-то молодой человек высокого роста вытянул руку и таким вот своеобразным шлагбаумом перекрыл мне дорогу.

– Посторонним сюда нельзя! – заявил он. – Оградительную ленту когда-нибудь натянут?

Вторая фраза высокого человека относилась явно не ко мне. Он произносил ее, повернув голову, глядя куда-то себе за спину. В закутке тут же материализовались два сержанта полиции и стали перекрывать проход в него бело-красной лентой.

– Я не посторонний, – ответил я и попытался рукой опустить шлагбаум, но этот субъект упорно не желал меня пропускать.

Тогда я просто нажал пальцами на болевую точку в локтевом суставе, и такой метод убеждения оказался весьма результативным. Шлагбаум сразу согнулся пополам. Мое действие сработало безотказно, прямо как кнопка автоматики.

Я прошел в закуток, отметив про себя, что высокий молодой человек, видимо, офицер. Ему показалось постыдным открыто демонстрировать всем, что он испытывает изрядную физическую боль. Данное обстоятельство было ясно прописано в его резко расширившемся зрачке. Но при этом он не издал ни единого звука. Гражданский человек, скорее всего, не выдержал бы и застонал.

Мою фразу услышали другой человек в гражданской одежде и подполковник полиции. Оба шагнули ко мне.

– Старший лейтенант Лукрепчиев, я полагаю? – спросил мужчина в гражданском.

Подполковник полиции тоже ждал моего ответа, из чего я сделал предварительный вывод о том, что ему моя фамилия тоже знакома. Впрочем, она у меня очень редкая. Сотрудник полиции услышал ее от кого-то и заинтересовался.

Нет, скорее всего не этимологией. Происхождение своей фамилии я и сам не знал. Пытался выяснить в Интернете, но не получилось. Встречал я раньше фамилию «Лукрепчиев», происходящую от древнеримского имени, но моя, похоже, идет от репчатого лука.

– Так точно! – ответил я, вытянувшись, потому как безошибочно определил, что это человек военный, в немалом чине, соответствующем его солидному виду и возрасту.

– Генерал-майор Луков, – тут же представился он и не расшифровал, от какого лука его фамилия происходит, от репчатого или зеленого. – Начальник службы безопасности здешнего форума. Тебе, старлей, насколько я знаю, это время назначено для опробования изделия.

– Так точно, товарищ генерал! Завтра запланирована презентация. Только я сначала должен получить теоретический урок. Прямо здесь, как мне было обещано. Но я вижу, что аппарата тут уже нет.

– Илья Ильич! – позвал генерал из толпы еще одного высокого человека в гражданском. – Старший лейтенант прибыл. Передаю его под ваше покровительство.

Илья Ильич вышел из толпы. С близкого расстояния он показался мне совсем мальчиком, который старался держаться солидно, чтобы выглядеть старше.

– Пойдемте, – позвал меня этот человек ломким баском, тоже характерным для молодых парней.

Потом Илья Ильич взял меня под локоть и повлек в сторону служебного выхода.

Процесс теоретического обучения проходил, как я понял, на складе концерна «Калашников» и занял около сорока минут. При этом я многое удержал в голове благодаря своей тренированной памяти, даже смог бы при необходимости повторить. Но, честно говоря, сам понял очень мало. Сказывалась моя слабая подготовка в области физики. Я всегда предпочитал ей те дисциплины, которые необходимы мне на службе.

Испытания на полигоне тоже прошли успешно. Два беспилотника я удачно уронил на землю. Третий, как раз вооруженный пулеметом и неуправляемыми ракетами, я позволил посадить оператору Славе. Этот парень был придан мне в помощники. Он располагал собственным пультом управления, весьма большим и заметно усложненным в сравнении с обычным.

После этого Слава заявил, что теперь имеет возможность снова поднять беспилотник-штурмовик в небо и атаковать из пулемета и ракетами того оператора, который запустил эту самую машину. Маршрут полета известен.

Тут я обратил внимание на человека, стоявшего неподалеку от нас. Тот что-то спросил у Славы. Парень, как и я, не расслышал его слов, поэтому подошел ближе. После чего вопрос был повторен, и последовал долгий исчерпывающий ответ на него, сопровождаемый сильной жестикуляцией.

По внешнему виду человека, задавшего Славе вопрос, и по бейджику на его груди, я понял, что это кто-то из участников форума. Он задержался на полигоне, когда показательные выступления были уже закончены, понаблюдал за нами и проявил интерес к новому нелетальному оружию.

Илья Ильич, стоявший неподалеку, подошел ближе. Он сменил Славу и тоже начал что-то объяснять участнику форума.

Я приблизился к ним, прислушался и понял, что Илья Ильич говорил на арабском языке, причем достаточно бегло. Он не запинаясь, не подыскивал слова и часто использовал научные термины, те же самые, что и при объяснении мне. Даже на русском языке они были не слишком понятны, во всяком случае для меня. Честно говоря, не знаю, насколько эти слова стали доходчивее при разговоре на арабском. Впрочем, меня это касалось мало.

Я хотел было удалиться, не мешать, но Илья Ильич закончил разговор с потенциальным клиентом и сказал мне:

– Виталий Николаевич, генерал Луков хотел с вами поговорить. Демонстрация глушилки в связи с внешней ситуацией отменяется. Значит, и испытаний не будет. Алексея так и не нашли. А я не в курсе, как работать с прибором в этом режиме. Подождите, я вас провожу.

Когда мне, человеку военному, кто-то передает слова генерала, я воспринимаю их как приказ. Поэтому я сразу остановился и стал дожидаться Илью Ильича.

Мы вернулись в павильон, прошли в тот же закуток. Народа там, как мне показалось, даже прибавилось.

Генерал Луков заметил нас и шагнул навстречу. Он позвал за собой какого-то человека в гражданской одежде, но, судя по выправке, офицера. Нетрудно было догадаться, что этого мужчину Луков привел сюда специально персонально для разговора со мной. Так и оказалось.

– Познакомься, старлей. Это полковник Коломойников из второго отдела ФСБ России.

Что такое второй отдел ФСБ я знал, поскольку мне приходилось несколько раз работать вместе с его сотрудниками. Задачи этой структуры обычно формулировались так: защита конституционного строя и борьба с терроризмом.

Я, естественно, вытянулся по стойке смирно, как и положено старшему лейтенанту перед полковником, пусть и другого ведомства, но, как говорится, смежного.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

Он выдвинул стул из-под стола, опустил на него, показал мне на соседний и предложил:

– Присаживайся, старлей.

Сидеть по стойке смирно по сути своей неудобно. Тем не менее я сел именно так.

Полковник Коломойников тем временем вытащил из внутреннего кармана своего старомодного, но мало ношенного двубортного пиджака несколько листов бумаги, сложенных вчетверо. Он развернул их, нашел нужный и показал мне принтерную распечатку. Обычно на принтере тиражируется фоторобот, по которому чаще всего невозможно бывает опознать человека. Но здесь печать явно была произведена с фотографии.

– С этим человеком, старлей, ты случаем не знаком? Не доводилось встречаться с ним на кавказских горных тропах?

Я внимательно посмотрел на лист и ответил:

– Нет, товарищ полковник, на кавказских не доводилось. Только на московских, куда более широких.

– Ну-ка, ну-ка!.. – Коломойников сразу оживился. – Где именно ты с ним встречался?

– Три минуты назад расстались.

Полковник, как мне показалось, подпрыгнул вместе со стулом. В глазах его застыл вопрос.

Я понял, что ситуация не терпит ни малейшей потери времени, поэтому сразу продолжил:

– Перед тем как прийти сюда. Я испытывал REX 1 на полигоне. Готовился к завтрашней демонстрации. За моими действиями наблюдал какой-то человек. В европейском костюме, с бейджиком на груди. Как я понял, участник форума.

– Он интересовался прибором?

Уже сам тон, которым был произнесен этот вопрос, требовал положительного ответа на него.

Но я позволил себе не полностью согласиться с мнением старшего по званию и проговорил:

– Я бы, товарищ полковник, сказал, что он больше интересовался беспилотниками. Впрочем, лучше спросить об этом у оператора Славы, которому гость задавал вопросы, или у Ильи Ильича. – Я показал на своего недавнего наставника, отошедшего в сторону. – Он что-то довольно долго объяснял ему на арабском языке.

– Не уходите! Ждите меня здесь! – потребовал полковник и ринулся к Илье Ильичу.

В суматохе он ненароком уронил стул, но так и не поднял его. Делать это пришлось мне. Но я посчитал такое занятие полезным для здоровья после сидения по стойке смирно. По крайней мере перемена позы.

Коломойников выяснял что-то у представителя концерна «Калашников» около минуты, потом стал куда-то звонить. Он не убрал мобильник, поскольку, как я понял, ждал ответного звонка, и снова стал разговаривать с Ильей Ильичом.

Полковник отчитывал того самым категоричным тоном. Илья Ильич, человек гражданский, делал только слабые попытки отговориться. Военные люди в таких случаях вообще не

оправдываются. Они воспринимают все обвинения как решение суда самой что ни на есть последней инстанции, не подлежащее обжалованию. Но полковник не обращал никакого внимания на его слова.

Тут ему кто-то позвонил. Он выслушал собеседника и начал отдавать короткие резкие распоряжения. После этого Коломойников убрал трубку, отмашкой, едва ли не брезгливой, отпустил Илью Ильича и направился в мою сторону.

– Вот что, старлей. Ты, как я понимаю, совсем не в курсе того, что произошло, – сказал он.

– Совсем не в курсе, товарищ полковник. Никаким духом ничего не слышал и не видел.

– Короче говоря, дело обстояло так. В семнадцать двадцать, как зафиксировала камера видеонаблюдения, в павильон концертна «Калашников» вошел человек. Вот этот самый. – Полковник положил на стол давешнюю принтерную распечатку и прихлопнул ее ладонью так, словно желал сплющить физиономию того субъекта, портрет которого красовался на листе. – Как нам уже удалось выяснить по нашей базе данных, это дагестанский террорист Рагим Магомедович Арсланов, находящийся в розыске. Мы считали, что этот негодяй в настоящее время находится в Сирии. Еще не так давно он возглавлял там большой, довольно сильный отряд, входящий в состав войск ИГИЛ. Но его банда, как оказалось, была разбита вдребезг, почти полностью уничтожена нашими вертолетами.

После этого Арсланов, кстати, бывший младший сержант Псковской дивизии ВДВ, сумел собрать новый отряд. С ним он вернулся в Дагестан. Эти данные получены от коллег из Сирии. Они подтверждены, правда, пока только косвенно, нашими сотрудниками, работающими в самом Дагестане. Мы знаем его месторасположение только предположительно.

Но банда Арсланова пока особой активности не проявляла, не считая нескольких случаев грабежа машин на дороге. Поэтому ни мы, ни МВД не обращали на нее особого внимания. Просто руки у местных силовиков до этих ребят еще не дошли.

Слишком много банд сейчас возвращается из Сирии и Ирака. Почти все они просто напрашиваются на немедленное уничтожение, слишком уж активно показывают всю свою дурь.

Такая же ситуация держится по всему Северному Кавказу, а не только в Дагестане. Хотя именно в этой республике она проявляется особенно четко.

Почему я тебе все это рассказываю, да? Просто мне сообщили, что твой взвод готовится к отправке на Северный Кавказ. Он войдет в состав сводного отряда спецназа ГРУ, действующего там. Поэтому я сразу желаю дать тебе задание. Позже твое командование его подтвердит.

Но давай вернемся к нашим событиям. Несколько дней назад здесь, в Москве, пропал человек, приехавший на форум «Армия-2017», официальный член иорданской делегации. Но хватились его не сразу.

Человек этот, как нам сказали, весьма падок на выпивку и женщин. С ним уже не раз бывали подобные случаи. При выездах за границу он пропадал дня на два, а то и три, никого об этом не предупредив.

Впрочем, прежде он в таких ситуациях всегда отвечал на телефонные звонки. На сей раз этот тип молчал.

В его гостиничном номере на столе осталось зарядное устройство. Члены иорданской делегации решили, что он его просто забыл взять. В результате мобильник у него сел. Зарядить его этот гуляка не мог, поэтому и не отвечал.

Другого такого фрукта давно выгнали бы со службы. Но этот человек считается хорошим, почти незаменимым экспертом по оружию для частей специального назначения. К тому же он является родственником короля Иордании, который, еще будучи наследным принцем, сам командовал частями тамошнего спецназа.

В павильон концерна «Калашников» приходит Рагим Магомедович Арсланов. На груди у него красуется бейджик того самого иорданца. Наверное, именно поэтому никто бандита не остановил.

Он спокойно прошел к стенду с REX 1, скорее всего показал пистолет тому сотруднику, который тебя, старлей, дождался. Потом бандит заставил этого человека вынести прибор через служебный вход. Сам Арсланов шел позади. Это последнее, что зафиксировала внутренняя камера наблюдения.

Алексея, сотрудника концерна «Калашников», никто, естественно, не остановил. Что сказал ему Арсланов, чем пригрозил, нам неизвестно.

После этого они попали только в объектив камеры наблюдения, расположенной на автостоянке, когда садились в микроавтобус. Оба уехали.

Выходит, что Арсланов увез Алексея насильно в неизвестном направлении. Сейчас в городе объявлен план «Перехват», но результатов пока нет. Найден только пустой микроавтобус, на котором они уехали.

Это транспортное средство в розыске не числилось. Но на нем были, как оказалось, номера, украденные с другого микроавтобуса. Короче говоря, похититель, видимо, пересел в другую машину и исчез вместе с прибором и Алексеем.

Нам оставалось рассчитывать только на результативный розыск. Тут-то ты и сообщил, что Арсланов снова здесь, на форуме. Сейчас его ищут. Как и еще одного человека. Не вернулся в свою группу оператор БПЛА Дегтярев.

– А это, товарищ полковник, кто? – спросил я.

– Тот оператор, который работал с тобой во время обучения вместе с Ильей Ильичем.

– Слава?..

– Да, кажется, так его зовут. У него был пульт управления с оригинальной секретной программой. Она способна считывать путь, проделанный беспилотником, посаженным с помощью REX 1, то есть вычислять расположение базы, откуда был отправлен летательный аппарат. А если удастся посадить штурмовой беспилотник, то...

– То он способен атаковать и при полном боекомплекте даже уничтожить свою собственную базу вместе с операторами и другими людьми, находящимися там. Так, товарищ полковник, мне сказал Слава, когда посадил беспилотник-штурмовик. Но мне помнится, что разговор у нас шел и о гражданском применении REX 1. Это не опасно? Вдруг бандиты смогут приобрести такой аппарат?

– Гражданский вариант сильно упрощен по функционалу. А что касается боевого, сам видишь, старлей, какими неприятностями грозит попадание REX 1 в руки бандитов. Да еще вместе с людьми, которые в состоянии обучить этих негодяев управлению и прибором, и беспилотником. Особенно опасной станет обстановка, если к бандитам попадет программа с пульта Дегтярева.

Мы, конечно, ведем розыск. Но скажу честно, быстро найти преступников в Москве могут только другие такие же личности. У них какой-то нюх, наверное, есть друг на друга. Они мыслят одинаковым образом, в едином направлении.

Однако мы преступников у себя на службе не держим, как это ни странно. Поэтому не можем гарантировать качественный и скорый поиск. У меня нет сильной надежды на то, что эмир Арсланов будет задержан, найдены люди и приборы, захваченные им.

Получается, что вся надежда только на тебя. Завтра продемонстрируешь публике все то, чему тебя сегодня Илья Ильич обучил. К вечеру будь готов вместе с взводом отправиться в командировку на Северный Кавказ.

Самолет тебе будет выделен. Все документы, которые вам понадобятся, сегодня окажутся в штабе сводного отряда спецназа ГРУ. Это продовольственный и вещевой аттестаты на весь

личный состав взвода, твое командировочное удостоверение, деньги. Короче говоря, все, что полагается. На этот счет уже есть приказ вашего командующего.

Я тебе дам номер моего телефона. Будешь напрямую докладывать мне обстановку. Если что-то пойдет не так, то я приму меры. – Коломойников протянул мне визитную карточку, которую я тут же убрал во внутренний карман, где лежали мои собственные документы. – Звонить можешь в любое время суток. У меня служба такая, рабочий день не нормирован.

– А вдруг, товарищ полковник, поиск даст положительный результат здесь, в Москве?

– Тогда вылетаешь туда же, но про наше задание забываешь. Хотя банду Арсланова, даже без присутствия эмира, уничтожать, скорее всего, придется тебе. Но этот вопрос находится в компетенции твоего командования. Документы на командировку в любом случае уйдут в сводный отряд уже сегодня. На всякий случай. Ты готов?

– Так точно! Готов, товарищ полковник.

– Вот и хорошо. Концерн «Калашников» выделит твоему взводу аппарат REX 1, две свои новые снайперские винтовки и три электромотоцикла. Это очень полезная вещь, мне кажется. Она совершенно бесшумна в движении.

– Движение, товарищ полковник, совершенно бесшумным бывает только у солдат спецназа ГРУ, когда они стараются перемещаться скрытно. Все остальное, насколько я знаю, всегда издает при передвижении какие-то звуки. У электромотоцикла будет шуметь двигатель, пусть и слабо. Колеса никак не могут не шуршать. Особенно на высокой скорости.

– Да, скорость там приличная. До ста пятидесяти километров в час. Ты всегда сможешь перебросить сразу шестерых бойцов туда, куда будет нужно по обстановке. Двух седоков на максимальной скорости эта машинка, конечно, не потянет. Лошадиных сил у нее маловато. Да еще по горной дороге. Но в целом вещь, я думаю, удобная и полезная. У нее есть свои особенности, но разработчики все объяснят тебе куда лучше меня.

– Возможно. Будем опробовать.

– Только взамен концерну «Калашников» потребуется отзыв на испытания. Тебе придется его написать.

– С этим у нас проблем не бывает. Мы часто что-то испытываем.

Глава вторая

Мина в ночи ухнула филином, пьяным от лесного духа. Этот звук прокатился среди кустов и затих где-то в низких облаках, грозно нависших над селом. Может быть, он добрался даже до отрогов гор и растворился там среди скал, тоже укрытых серыми клубами.

Только в горах облака бывают такими низкими. Когда смотришь с дороги, с самого перевала, они порой прикрывают село сплошной завесой, и невозможно бывает невооруженным глазом ничего различить. Но теперь это были уже не тучи, только облака.

Настоящие тучи, куда более тяжелые и темные, прошли здесь совсем недавно на той же высоте. Они обильно и беспощадно полили село крупным дождем и сдвинулись западнее, направились к долине, уходящей куда-то в горную Чечню.

– Рагим приходил? – спросил я сам себя тихо, практически шепотом, не намереваясь отвечать.

Но микрофон был исправен и донес мои слова до бойцов взвода.

– А кто еще может прийти? – ответил вопросом мой заместитель старший сержант Ничехин. – В такую грязь, сразу после одного дождя и перед следующим больше некому. Собаку погулять никто не выпустит. Но сейчас, товарищ старший лейтенант, первое отделение сообщит. Ребята сначала присмотрятся, нет ли кого рядом.

Чтобы остаться незамеченными, мы вынуждены были расположиться на некотором отдалении от тропы. Рядом с ней места хватило только для первого отделения взвода, в которое входил и наш сапер ефрейтор Спасибог. Раз этот парень числится у них, то им и флаг в руки. Так я решил. А нам осталось только ждать сообщения.

Кроме того, непосредственно у тропы укрыться за камнями от осколков взорвавшейся мины могло лишь одно отделение. Другие непременно оказались бы в зоне риска, как я про себя обозвал сектор поражения.

Сообщения от первого отделения и следовало ждать. А пока...

Я посмотрел в восточную сторону. Оттуда, с Каспия, снова ползли тяжелые дождевые тучи. Да, в такую погоду найдется весьма малое число людей, желающих просто так, без особой необходимости, выйти ночью на прогулку.

Скорее всего, на mine подорвался именно эмир Рагим Арсланов. По этой тропе пройти должен был именно он. Миновать ее главарь банды никак не мог. Другого нормального пути из его лагеря в село просто не было. Разве что через скалы.

Но ни один человек, дружащий со своей собственной головой, ночью туда не полезет ни за какие коврижки. Исключение может составить только самоубийца или спортсмен-экстремал. А эмира к таким личностям я, честно говоря, не причислял.

Да, Арсланов имел склонность к риску, но не в такой же степени. Он должен лучше меня знать, что представляют собой эти скалы, вырос здесь, в этом селе.

Но взорвалась только одна мина, а установлено их было три. Я так приказал, и сапер по связи сообщил мне, что выполнил мое распоряжение. Все эти мины не были связаны между собой, но располагались так, что вообще лишали кого бы то ни было возможности пройти по тропе, ведущей в село, и остаться невредимым.

Расчет был на то, что Арсланов, скорее всего, не решится пойти домой один. Он возьмет в сопровождение своих бандитов, хотя бы пару-тройку человек. Кто-то из них обязательно зацепит мину и взорвется. Остальные мерзавцы, как всегда бывает в подобных случаях, шарахнутся в стороны, спасаясь от осколков, летящих в них. При этом они должны будут активировать другие мины.

Но, скорее всего, вышло так, что эмир отправился домой в одиночестве. Что ж, это было очень похоже на него. Жена Рагима с гордостью говорила, что он полностью лишен страха.

Этот человек сам искал для себя опасные ситуации, из которых ему будет трудно выбраться. Но при этом он всегда оставался цел. Под счастливой звездой родился, не иначе.

Аллар Баччириевна, жена эмира Рагима Арсланова, была осетинкой из окрестностей Цхинвала. Когда грузинская армия двинулась на Южную Осетию, она взяла в руки автомат, вернее сказать, забрала его у ополченца, убитого на улице. Эта женщина и расстреляла экипажи двух грузинских танков, которые покинули машины, чтобы вытащить какие-то вещи из горящего дома.

Нет, танкисты вовсе не стремились помочь местным жителям, не спасали чужое добро. Они отнимали у людей последнее, из рук вырывали все то, что те сумели вытащить из дома. Эти героини сами туда лезли, чтобы успеть пожить хотя чем-то, пока все не сожрало жадное пламя, разожженное ими же.

Но тут появилась Аллар с автоматом в руках.

Когда она подняла ствол, офицер, командир танкового взвода, завопил визгливым голосом на русском языке, потому что осетинского не знал:

– Уйди, женщина! Убери автомат! Пошла вон!

А она стояла среди дыма и копоти, с испачканным сажей лицом, но в чистом белом платье, и выпускала из ствола одну смертельную очередь за другой.

Этот день больше запомнился тем людям, которые все видели, чем самой Аллар Баччириевне. Для нее он как был, так и остался непонятным, прошедшим и пережитым словно во сне.

После этого она не выпускала автомат из рук еще несколько дней, до самого прихода в Цхинвал российской армии. Она участвовала в боях наравне с мужчинами, местными ополченцами, и даже убила несколько грузинских командос, которые пытались проникнуть в разрушенный город.

Тогда, с частями российской армии, в Цхинвале появился и Рагим, младший сержант воздушно-десантных войск. Там, среди развалин полуживого города, они и познакомились.

Рагим тогда рассказал девушке, что в родном дагестанском селе его не брали в армию. Высокое начальство вообще не считало нужным посылать туда представителей кавказских народов, учить их военному делу. А он очень хотел служить, да не где-нибудь, а именно в десантных войсках, носить тельняшку и голубой берет. Для этого парень даже занимался парашютным спортом. К тому времени он имел на своем счету больше десяти прыжков.

Чтобы попасть в армию, Рагим уехал к дальним родственникам в Псков. Там парень устроился на работу и прописался. Только после этого он сам пошел в военкомат и уговорил кого следует, чтобы его взяли в армию.

Хотя сначала и там брать не хотели. Парень даже грозился поехать на телевидение в Москву, чтобы там поднять этот вопрос, и добился своего. Его призвали именно туда, куда он хотел попасть.

Так Рагим стал десантником и попал в Цхинвал.

Потом они с Аллар переписывались и перезванивались, дважды встречались во Владикавказе, куда она специально ради этого приезжала к замужней сестре. А когда Рагим демобилизовался, он приехал за ней и увез к себе в село, в дом родителей. Сначала, правда, они заехали к ее отцу и матери. Первую свадьбу так и сыграли в селе под Цхинвалом, вторую – в Дагестане.

Родители Рагима настояли, чтобы Аллар приняла ислам.

«Свидетельствую, что нет иного Бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммед – Посланник Аллаха», – проговорила она в присутствии имама.

Эта свадьба проходила уже по исламскому обычаю.

Аллар к религии относилась равнодушно, поэтому согласилась на это легко. Она хотела уважить родителей Рагима, да и его самого.

Для себя Аллар выпросила только одно послабление. Она могла носить белые платья, так любимые ею. У христиан-осетин это признак чистоты, а у мусульман белые одежды означают траур. Когда родители Рагима решали этот вопрос, у Аллар умерла мать. Она носила белое платье по мусульманскому обычаю и потом часто одевалась так.

Родители Рагима не возражали. Они всегда были людьми сдержанными и в чужую жизнь старались не лезть. Сам Рагим тоже ничего не имел против, а к мнению соседей или знакомых он был равнодушен.

Женщина рассказывала все это на допросе в ФСБ, где присутствовал и я. Ведь именно моему подразделению было поручено ликвидировать банду Рагима Арсланова.

Правда, Аллар об этом никто ничего не говорил. Ни к чему ей было знать, что именно я вышел на охоту на ее мужа.

Так решил сотрудник следственного управления ФСБ. Ему же принадлежат и слова об охоте. Хотя мне лично претило само это понятие в отношении человека.

Наверное, Аллар была бы со мной солидарна в этом. Почему-то мне так казалось. Она у меня вызывала уважение, хотя и позволяла себе откровенно подсмеиваться над нами.

– Никогда вы Рагима не поймаете. Не такой он человек, чтобы вы смогли его победить. Он во всем любого из вас на голову превосходит. Даже простым везением, – заявила женщина.

Мы с ней не спорили, продолжали расспрашивать о мелочах, которые, казалось бы, к нашей основной задаче никакого отношения не имели. Но никогда заранее не знаешь, что может оказаться для тебя самым важным или вообще совершенно лишним.

Она рассказывала, что жизнь в новой семье мало чем отличалась от прежней, привычной. Может быть, обычаи в отношении женщин и их поведения здесь были чуть более строгими, чем в ее родном осетинском селе, но Аллар быстро к этому привыкла.

В своем селе она могла свободно остановиться на улице, чтобы поговорить со знакомыми парнями. На новом месте для замужней женщины это было чревато, вызывало осуждение с разных сторон.

Она родила Рагиму двух дочерей – Айну и Адилю. Жили они вполне спокойно и счастливо.

Но так продолжалось только до тех пор, пока в селе не появился Исмаил Салихов. Это был еще довольно молодой проповедник и ваххабитский имам.

В селе, разумеется, уже была мечеть. Он начал строить еще одну, ваххабитскую. Известно, кто за это платил, но дело шло быстро. Недостатка ни в чем не ощущалось.

Аллар толком не знала, чем новому имаму так понравился Рагим. Еще труднее ей было определить, почему ее муж стал во всем слушаться этого человека. Теперь они постоянно проводили время вместе, каждый вечер пили чай.

К тому времени Рагим уже построил собственный дом неподалеку от родительского. Там он и принимал гостей. На время их долгих бесед мужчины просили Аллар выйти в другую комнату или на кухню.

Перемены в муже она увидела уже вскоре. Рагим начал изучать арабский язык, который давался ему легко. Тут сказался его твердый, упертый характер, помогающий преодолевать любые препятствия. Вскоре он уже мог читать на арабском. Учителем выступил, естественно, имам Салихов.

Тогда же вокруг Рагима собралась группа молодых парней. Он занимался с ними боевой и физической подготовкой, разумеется, в той мере, в какой сам знал ее.

Мне было несколько странно услышать такие слова из уст женщины, но я понимал, что она лишь повторяла то, что слышала от мужа. Аллар говорила о нем с гордостью. Хотя я, офицер спецназа, прекрасно знал, что младший сержант воздушно-десантных войск может научить молодых парней именно, как Аллар заметила, тому, что умел сам, но никак не большему.

У меня во взводе четыре младших сержанта – два командира отделений и пара снайперов. Однако я не представлял никого из них на своем месте, в качестве командира взвода.

Старший сержант Ничеухин в какие-то непродолжительные периоды меня действительно заменял. Например, когда я уходил в отпуск, две недели после ранения в госпитале провалялся, уезжал на кратковременную учебу в Москву. Но он контрактник, то есть профессиональный военный, заместитель командира взвода спецназа ГРУ.

Я вижу разницу между ним и младшими сержантами, даже командирами отделений, у себя во взводе, и хорошо знаю уровень подготовки бойцов спецназа ГРУ. Мы во многом превосходим даже спецназ ВДВ.

Мне трижды приходилось отчислять новобранцев из взвода, поскольку они просто физически не справлялись с нашими нагрузками. Не тянули, как у нас говорили. Им от природы это было не дано. Никаким характером победить такое невозможно.

Такие ребята, причем не только из моего взвода, но и из других тоже, отправлялись, как правило, именно в спецназ ВДВ. Там они становились отличными бойцами, чуть ли не лучшими. Отсюда сам собой напрашивался совершенно четкий вывод. Уровень подготовки и спроса в ВДВ и в спецназе ГРУ совершенно разный.

Банда эмира Рагима Арсланова, с которой он прибыл в Дагестан, по численности на два человека превышает мой взвод. Таким количеством людей следует управлять, а это надо уметь. Знаний младшего сержанта здесь явно хватит.

Однако у ФСБ были дополнительные данные о личности эмира Арсланова, полученные от коллег из сирийских спецслужб. В ИГИЛ у него было в подчинении около шестисот моджахедов. Рагим очень даже неплохо справлялся с ними. Его люди доставляли сирийской армии много хлопот.

Так меня старались настроить сотрудники ФСБ и антитеррористического комитета Республики Дагестан. Они говорили мне, что это чрезвычайно серьезный противник.

Я соглашался с ними и говорил себе, что слабых противников среди бандитов практически не бывает. Иначе они просто не подались бы в горы и леса. Жили бы спокойно в семье, днем ходили бы на работу, перед сном смотрели бы телевизор. В выходные или в вечернее время среди недели позволяли бы себе сходить на стадион, поболеть за любимую футбольную команду. Были бы вполне довольны жизнью и собой.

Но эти люди брали в руки оружие и уходили в горы. Душа у них требовала иного стиля жизни. Горы давали им это.

Многие уезжали в Ирак или в Сирию. Они по-разному там себя проявляли, но потом вынуждены были вернуться в свои горы. Часто вовсе не потому, что оказывались ненужными. Командование ИГИЛ хотело расширить свои границы и отправляло бойцов на другие территории.

Короче говоря, все бандиты в моем понимании были парнями достаточно крутыми, способными к ведению боевых действий. Нам было с кем повоевать.

Мое отношение к вопросу в данном случае во многом сводилось к оценке боевых возможностей регулярной сирийской армии. Наши специалисты, побывавшие в этой стране и видевшие все своими глазами, говорили мне, что там бойцов даже стрелять не учат. Их одевают, обувают, обещают и честно выдают заработную плату, вручают оружие, показывают командира, которому солдат обязан подчиняться, и посылают в какую-то воинскую часть. Это все.

Солдат идет в бой, не всегда умея менять магазин в автомате. У арабов считается, что каждый мужчина обязан это знать. Любое обучение зорно. Оно сродни признанию твоей неспособности воевать, что граничит с оскорблением.

Шестьсот моджахедов, как они себя называют, отряда Рагима Арсланова имели возможность показать себя с хорошей стороны, воюя с таким вот противником. Младший сержант

воздушно-десантных войск, думается, сумел обучить их хоть чему-то, к примеру, движению челноком или умению ползать. Наверное, эти моджахеды даже не ищут, где вставляется граната в подствольник. Мне говорили, что такое бывало с некоторыми бойцами сирийской армии.

С эмиром Рагимом Арслановым я познакомился заочно только со слов его красавицы-жены, но твердо был уверен в том, что уже вскоре сумею найти способ пообщаться с ним поближе, лично.

Аллар окончила всего-то среднюю школу и только поступила в какой-то колледж, окончив который ей помешало замужество. Но она грамотно строила фразы, проявляла интеллект.

– Я думаю, у Рагима болезнь такая – адреналиновое голодание, – заявила нам эта женщина.

Она говорила о болезни, но не могла убрать из голоса нотки гордости. Аллар считала это самое голодание характерным признаком мужественности, не желала понять, что оно может быть и психическим заболеванием.

– Он всегда сам ищет опасность и идет ей навстречу. Нравится ему это. Характер такой, – добавила законная супруга главаря банды.

Я не удержался и осведомился:

– Извините, а вы знаете, что такое адреналин?

– Знаю, – ответила она с вызовом. – Читать меня в школе научили.

– Сдается мне, что не знаете. Ученые вот говорят, что адреналин – это гормон трусости. Он выделяется у человека, когда тот испуган. А люди по малограмотности считают, будто адреналин способствует проявлению отваги.

Аллар по-кошачьи фыркнула, посмотрела на меня с нескрываемым презрением и заявила:

– Рагим всегда отвечает за свои слова. Про него можно говорить что угодно. Но никто не назовет его трусом. Ни друзья, ни враги. Он никогда и никого не боится. С ним всегда удача. Она сильнее всех его врагов. Борьба с ней бесполезна.

Из этого я сделал вывод, что фраза об адреналиновом голодании принадлежит не ей самой, а ее мужу. Ладно, ей с неполным средним образованием это простительно.

Я, говоря честно, изначально подозревал, что тень полковника Коломойникова будет и до Дагестана доставать. Так, видимо, и случилось. Иначе как объяснить, что сотрудники здешнего следственного управления ФСБ из кожи вон лезли, чтобы добыть мне сведения об эмире Рагиме Арсланове? Любые, какие угодно. Даже заранее зная, что они могут мне совершенно не пригодиться.

Но я собирал все, что только мог. Повторюсь, ни один человек никогда загодя не знает, что ему ой как пригодится, а что никогда не будет востребовано.

Помянутая тень полковника, занимавшегося защитой конституционного строя и борьбой с терроризмом, растормошила и различные службы республиканского МВД. Туда меня приглашали ничуть не реже, чем в ФСБ.

Более того, менты даже передали под мою опеку трех своих осведомителей в селе, где ни у меня, ни у других офицеров спецназа ГРУ таких ценных кадров не имелось. Правда, я само село в открытом режиме посетил только один раз, когда решил все же самостоятельно испытать электромотоцикл, выделенный взводу концерном «Калашников».

Предварительно я, следуя рекомендациям сотрудников МВД, позвонил участковому инспектору полиции и попросил его поочередно устроить мне встречи со всеми этими осведомителями. Капитан Магомедов давно знал этих внештатных сотрудников и особо не притеснял их. Все эти ребята наверняка знали за собой какие-то грешки. Именно поэтому они и пошли в ментовские стукачи.

На мотоцикле я ездил прежде только тогда, когда проходил курс обучения и сдавал на водительские права. Дома я такую технику не держал, предпочитал автомобиль, хотя он постоянно был в пользовании жены. Сам я за руль садился только в нечастые выходные дни.

Но я почему-то посчитал, что и при таком вот минимальном опыте без проблем справлюсь с электромотоциклом, обладавшим достаточно высокой скоростью. Однако в действительности все оказалось не так гладко, как мне хотелось бы. Хорошо еще, что поехал я днем.

Двигатель электромотоцикла и в самом деле работал почти бесшумно. Эта машина очень неплохо держала скорость даже здесь, в горных условиях. Я специально попробовал взять довольно крутой подъем вне дороги. Все получилось хорошо. Это меня, конечно, устраивало.

Но вместо обычной фары мотоцикл имел инфракрасную, транслирующую то, что она видела, на монитор, вмонтированный в приборную панель. Поэтому в темное время суток в комплект к фаре водителю следовало надевать очки ночного видения.

Я повторяю, что поехал днем, чтобы привыкнуть к транспортному средству, совершенно новому для меня. Но дорога была настолько разбита, что развить на ней большую скорость на двухколесном мотоцикле было равносильно хорошо продуманному, но плохо спланированному самоубийству. Постоянное лавирование между выбоинами и буграми не позволяло мне разогнаться как следует.

В очках ночного видения я вынужден был бы ехать в два раза медленнее. Да и тогда это занятие являлось бы довольно опасным. Особенно трудно было бы объезжать ямины, оказавшиеся передо мной, прямо под колесом, потому что инфракрасная фара показывает только то, что находится далеко впереди.

Сейчас до места я добрался благополучно, уже въезжал в село, когда в кармане под брошежилетом заработал вибровозвонк смартфона. Мне пришлось остановиться, чтобы добраться до аппарата. Определитель показал номер сельского участкового инспектора капитана Магомедова.

– Ты где, старлей? – спросил он. – Мы тебя ждем уже давно.

– В село въезжаю.

– Есть интересные сведения для тебя.

– Ждите. Скоро буду. Как в селе тебя найти?

– Как въедешь, сперва прямо по этой дороге. Потом поворот налево. За ним еще метров сорок-пятьдесят. Там сельсовет. Ты его ни с чем не спутаешь. Мотоцикл можешь у крыльца поставить или за углом, где полицейская машина отдыхает. Никто его не тронет. У нас в селе народ дисциплинированный, чужого не берет.

– Добро, капитан, жди. Я уже в селе.

До сельсовета я добрался без приключений, представился дежурному, сидящему за стеклом в маленьком тесном закутке, расположенном справа от дверей, спросил, где тут милиция, как мне найти капитана Магомедова. Дежурный, очень даже возрастной местный житель, назвал кабинет, махнул рукой в сторону нужного крыла здания.

Дверь кабинета была распахнута. За столом сидел седой крупногабаритный капитан. Против него устроился какой-то молоденький хлыщ в костюме и с галстуком, изобиловавшим какими-то блестками, переливающимися на свету. Наверное, лет пятьдесят назад этот хлыщ казался бы модным и хорошо одетым человеком, но в наше время он выглядел весьма архаично даже для этого горного села.

– Заходи, старлей, – пригласил меня капитан, поскольку я остановился за порогом, считая хлыща за посетителя, но никак не за одного из тех троих людей, с которыми желал бы поговорить.

Профессиональные стукачи обычно выглядят иначе.

– И дверь закрой, если не трудно. Мы тебя заждались.

Первым на встречу со мной должен был прибыть некий Артур Нажмутдинов, данных на которого у меня вообще не было. Имя Артур этому хлыщу вполне подходило. Внешностью он, вне всяких сомнений, сильно выделялся среди местных жителей. Должен был отличаться и именем.

За время своей службы я встречался с добрым десятком подобных личностей и привык к тому, что все они люди немолодые, как правило, крепко пьющие и несколько асоциальные. Полиция держит их на крючке, заставляет на себя работать.

Этот же фрукт был молод, не похож на пьющего. Мне сразу показалось, что он чрезвычайно старался подчеркнуть свое собственное значение. Именно это качество, скорее всего, было главным в его характере. Скорее всего, оно и заставило Артура стать стукачом.

Наверное, он завидовал кому-то и очень хотел подставить этого человека. У него все получилось. Артур вошел во вкус, тогда-то его и подцепили менты. Он строчил доносы на других людей, но себя самого весьма, кажется, уважал. Был, короче говоря, человеком себе на уме.

– Вот тут Артур нам интересную весть принес. Он живет почти напротив дома Аллар Арслановой и утверждает, что за последнюю неделю Рагим по ночам несколько раз навещался к ней.

– Через одну ночь. Не каждую, – проговорил хлыщ высоким голосом. – Хотя дважды бывало, что и подряд.

– Да, чаще через одну, но бывает, что и каждую ночь, – согласился Магомедов, – Арсланов навещает жену. Появляется с наступлением темноты и уходит перед рассветом. А один раз, когда впервые в село заглянул, в дом к родителям заходил на десяток минут. Навестил их и снова двинул к жене под теплый бок.

– Один приходил? – спросил я. – Без сопровождения?

– Только в первый раз, как я его увидел, с ним трое с автоматами были. Но они в дом не заходили. Один на улице дождался, двое во дворе спрятались, – ответил Артур. – Позже я других людей не видел. Может, они сразу через огород во двор заходили и там сидели. Не знаю, не буду утверждать.

– А в первый раз почему они показались на улице? Не догадались через огород пройти?

– Они так и пришли. Только к родителям Рагим пошел не огородами, а по улице. Они тоже вышли. А один потом так на улице и остался, ждал. Сначала все по сторонам смотрел, вертел головой. Только слева от него через два дома уже село кончается. Улица в гору упирается. Там только три старинные башни стоят, полуразваленные все. В них ни ворот, ни лестниц нет. Перекрытия между этажами давным-давно провалились. А потом этот часовой в кусты между тротуаром и дорогой залег и там ждал, когда его позовут. Как окликнули, он тут же во двор вошел и больше не показывался. Я тогда сразу понял, что они через огород Арслановых в горы ушли. Как раз за ним тропа начинается. Мы в детстве там бегали, играли. А сейчас люди только изредка ходят. За хворостом. Кусты густые, а с двух сторон скалы. Дети нынешние, как и мы когда-то, туда забредают.

Таким вот образом у меня появилась информация, на основе которой я планировал организовать засаду на Рагима Арсланова и проверить его везучесть.

Глава третья

Военные люди говорят, что везучий человек в засаду никогда не попадет. Ему и мины на тропе на страшны.

Был у меня солдат во взводе, срочник, награжденный от природы таким вот хроническим везением. Однажды в Ингушетии во время поиска базы бандитов он наступил на мину. Тогда дело закончилось оторванным каблуком и легким ушибом пятки. Правда, и с этой бедой боец дней десять хромал. Я его тогда даже на марш-бросок не брал.

Но и в хроническое невезение я тоже верил свято и имел перед собой наглядные примеры такового. Когда-то у меня во взводе служил солдат. Если он застегивал ремень, то с отбоем ему приходилось возиться полчаса, чтобы расстегнуть его. Если бил кулаком по боксерскому мешку, то получал перелом, если ладонью – вывих. Более того, с появлением этого солдата во взводе с другими бойцами тоже стали происходить какие-то непонятные и неприятные истории.

В итоге я понял, что хроническое невезение является заразной болезнью, которая легко передается окружающим. Тогда я добился перевода этого солдата в штаб батальона, но и после этого часто встречал его с гипсом на руке или ноге, а то и вовсе с костылем. Этот парень несколько не был виноват в тех бедах, которые постоянно одолевали его. Хроническая болезнь так просто человека не оставляет.

Про хроническое везение Рагима Арсланова говорили многие. Мне приходилось слышать это из разных источников, порой прямо противоположных, но сходящихся в одном. Рагим всегда, при любых обстоятельствах выходил сухим из воды.

Впрочем, я и себя отношу к таким вот стабильным везунчикам. Дело доходило до того, что я дважды в своей жизни опаздывал на поезд, и оба раза он сходил с рельсов. Неизвестно, что произошло бы со мной, окажись я в том или другом составе.

Вот мне и хотелось теперь проверить, на чьей стороне окажется удача. У кого везение мощнее.

– Сержант Махалов! – наконец-то я не выдержал, сам вызвал командира первого отделения и спросил. – Куда пропал? Что там у тебя?

Ответом мне была тишина. Видимо, возникли проблемы со связью. Но во втором и третьем отделении, которые находились со мной, такой проблемы не возникло. Старший сержант Ничеухин слышал даже то, что я произнес шепотом.

Это было странно и совсем непонятно. За несколько лет эксплуатации системы оснастки «Ратник» таких трудностей со связью у нас не возникало.

Внезапно я догадался, что в дело вступил REX 1. Насколько я помнил, этот прибор работал достаточно узким лучом. На дистанции в пятьдесят метров радиус круга составлял всего около пяти. Диаметр, следовательно – десять.

Значит, бандиты видели бойцов первого отделения, скорее всего, с помощью тепловизора. А потом они лишили их связи. Значит, REX 1 попал в руки противника вместе с инженером, способным работать с ним. Бандиты вынудили Алексея это сделать.

Хорошо еще, что сам REX 1 являлся оружием нелетального действия. Иначе бойцы первого отделения могли бы погибнуть. Но проблемы у них возникли, причем достаточно серьезные. Требовалось срочное вмешательство, чтобы предотвратить куда более тяжелые последствия.

Тут же я вспомнил, что наведение прибора производится по лазерному целеуказателю, позвал к себе снайпера сержанта Сухогорова, обрисовал ему ситуацию и спросил:

– Лазерный луч в тепловизор поймать сможешь?

– Он же теплый. Низкотемпературных лазеров в природе не существует.

– Он не просто теплый. Этот лазер глаза выжигать может.

– Тем более.

– Работай. Постарайся уложить оператора или разбить сам прибор. Можно одну головную насадку уничтожить. Хотя этот аппарат может нам сгодиться.

Сержант тут же пристроил на камень довольно объемный глушитель своего «Выхлопа» и прижался к резиновому наглазнику прицела.

– Вижу луч, – сообщил он через пару секунд. – Из-за камня выходит. REX 1 не наблюдаю. Товарищ старший лейтенант, мне в помощь «Корд» нужен. Человек за большим камнем прячется. С ним даже «Корд» может не справиться.

– Думаю, что «Корд» сможет. Я вижу камень, про который ты говоришь, – вмешался в разговор младший сержант Сережа Агафонов, второй снайпер взвода. – Если уж мой громобой не справится, тогда только на «Вампир» можно будет рассчитывать. Он-то уж точно зубы об этот камень не обломает. Но этого гранатомета у нас, насколько я знаю, в наличии нет. Он там остался, впереди.

Да, «Вампир» вместе с гранатометчиком ефрейтором Самойленко и в самом деле остался в родном для себя первом отделении взвода, с которым мы в настоящий момент не имели связи.

– Василий!.. – обратился я к первому снайперу.

Вот так, по имени, я обычно называл солдат, когда не приказ отдавал, а просьбу высказывал.

– А без «Корда» и «Вампира» никак обойтись невозможно? Мы на окраине села. Известно, как люди на грохот среагируют. Да и сами бандиты его обязательно услышат. Не хочется выдавать им свое присутствие.

– На мину-то, товарищ старший лейтенант, никакой реакции не было, – заметил старший сержант Ничеухин, продолжая рассматривать улицы села в инфракрасный бинокль.

Таковым было его задание в настоящий момент – отследить реакцию жителей на взрыв мины.

– Одно дело единичный взрыв, от которого люди могут только проснуться и почти сразу же, через пару минут, уснуть, если тихо будет. И совсем другое, если продолжение последует. Какая будет у жителей реакция – неизвестно.

Так я видел ситуацию.

И вообще я не решился бы однозначно сказать, как именно жители этого вот дагестанского села отреагируют на появление там этого парня, ставшего бандитским эмиром. Вслед за ним там оказались и федеральные военнослужащие, то есть мы. Рагим Арсланов своих односельчан, кажется, пока не обижал. Вот и поди-ка угадай, чью сторону они примут.

– Я могу попробовать, – не очень уверенно отозвался сержант Сухогоров. – Луч лазера выходит из промежутка между двумя камнями. Сам REX 1 мне не видно, как и оператора. Но я могу метров на пятнадцать левее уйти. Сомневаюсь, что человека оттуда увижу, но смогу выстрелить в дальний камень, чтобы от него пуля срикошетила. Угол для этого тогда будет уже достаточным. Конечно, в голову не попаду, но куда-то в бок смогу. Этого будет вполне достаточно.

– Пробуй, – согласился я. – Только побыстрее. Соблюдай осторожность. Кстати, всем надеть перчатки и маски! Сухогоров, выстрел только после этого.

Основная часть взвода пока, видимо, оставалась незамеченной бандитами. Любой неосторожный звук или движение могли бы нас всех выдать. Еще и по этой причине я не желал, чтобы раздался выстрел из винтовки «Корд». Мне казалось, что он будет слышен даже в Чечне, до которой от нас было более восьмидесяти километров.

Должен сказать, что постоянно носить перчатки и маски в такую погоду не слишком уютно. В жару, соглашусь, это может напрягать. Вопрос сводился к заметности взвода при

наблюдении с помощью тепловизора, которым может быть оснащен и бинокль, и оптический прицел, и даже простая видеокамера, позволяющая вести наблюдение.

Купить оптический прицел, кстати, в современной России можно в магазине. Я не знаю, требуется ли для этого охотничий билет, но найти человека с таким документом совсем не сложно.

Бандиты просто дадут фальшивую стодолларовую бумажку какому-нибудь мужику, и тот приобретет то, что требуется, на свой билет, за собственные рубли. О том, что купюра фальшивая, он узнает только позже, когда попробует ее обменять. Ему очень повезет, если менты тут же не повяжут его и не обвинят в подделке денег. Такие случаи уже бывали.

Кроме того, вполне допустимо, что бинокль с тепловизором или такой же оптический прицел Рагим Арсланов привез с собой из Сирии. У боевиков террористических организаций давно уже налажены прочные связи с европейскими и американскими поставщиками подобной техники, которые делят бандитов на системную и еще какую-то там оппозицию.

Эта техника часто превосходит качеством нашу. Даже китайская иной раз оказывается лучше российской. Например, у меня бинокль с тепловизором китайского производства. Он ничуть не хуже американских и французских, которые я видел у других офицеров. Но я свой покупал в охотничьем магазине, а американские у наших офицеров – только трофейные, захваченные у тех же бандитов.

В нашей ситуации получилось так, что мы не ожидали наличия тепловизоров у бандитов. Хотя мне следовало бы об этом подумать. Если у тебя нет точных данных о вооружении и численности противника, то всегда следует предполагать, что по этим параметрам он значительно превосходит тебя.

На этот раз я пренебрег этой старой истиной, иначе изначально приказал бы бойцам первого отделения надеть маски и перчатки. Дело в том, что тепловизор потому так и называется, что улавливает как раз тепло, исходящее от открытых участков человеческого тела. Оно проходит через обычную одежду, показывает фигуру бойца целиком.

Но ткань костюма экипировки «Ратник» это тепло одолеть не может. Из ее же ткани сделаны перчатки и маски.

В итоге открытыми остаются только глаза. Эти светящиеся точки, расположенные в поле зрения бинокля, можно принять за перелет ночных мотыльков или за перебегающих мышей. Тем более что глаза имеют склонность моргать, следовательно, и мерцать в тепловизоре, превращаться в невнятные объекты, не поддающиеся определению.

Я сам проверял это с биноклем. Идентифицировать человека в маске и перчатках практически невозможно. Но бойцы первого отделения не были заранее предупреждены о возможном наличии тепловизоров у противника.

Подозреваю, что бандиты имели представление о свойствах костюма «Ратник». Они смогли рассмотреть моих людей, поэтому сумели сработать на опережение, лишили отделение связи.

Тут наушники наконец-то донесли до меня звук выстрела. Снайпер прижимается прикладом почти к самому микрофону. Поэтому тот улавливает звук и даже усиливает его.

Очень громким был и удар пули в камень. Но второго рикошета я так и не услышал. Пуле что-то помешало добраться до другого камня. Это позволяло мне надеяться на то, что выстрел оказался удачным. Если бы пуля срикошетила дважды или трижды, то это говорило бы о том, что она перелетала от одного камня к другому. А так рикошет оказался погашен человеческим телом.

– Есть, товарищ старший лейтенант! – доложил сержант Сухогоров. – Лазер в небо смотрит. Попал, значит, рикошетом.

Почти тут же, буквально через секунду, в наушниках послышался другой голос:

– Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!.. – раз за разом повторял сержант Махалов, командир первого отделения, видимо, уже отчаявшийся дожидаться восстановления связи.

Значит, REX 1 перестал подавлять радиосигнал. Мой снайпер не промахнулся. Его пуля поразила того человека, который управлял прибором. Он не знал нашего фактического месторасположения, занял удобную, прикрытую позицию. Но и это ему не помогло. Сержант Сухогоров в очередной раз доказал, что являлся настоящим мастером своего дела, снайпером высшей квалификации.

У меня, правда, присутствовало опасение, что бандит, управлявший аппаратом REX 1, был в бронежилете, и пуля после рикошета попала в него плашмя. В этом случае удар был не смертельным, хотя и очень болезненным. Бандит мог снова заняться своей работой даже с поломанными ребрами.

Поэтому я поторопился поговорить с Махаловым, пока оператор REX 1 не очухался и не возобновил свою деятельность, лишаящую меня связи с первым отделением:

– Ким, что у тебя произошло? Докладывай!

– Связи не было, товарищ старший лейтенант. Видимо, экран какой-то возник. А сейчас он ушел в сторону. Теперь во всем отделении внутренняя связь работает.

– Это я и сам знаю. Эмир пришел? На mine кто взорвался?

– Кабан, товарищ старший лейтенант. В ближайший огород наведаться возжелал. Его основательно порвало. Но живучим оказался, хотя и молодой совсем, подсвинок еще. Пришлось его лопаткой добить. Голову почти отрубили, а он еще дергался. Крови море целое натекло.

– Это твое собственное приключение. Переживай его сам. А эмир не появлялся?

– Никого мы не видели. Даже в ваш бинокль.

Да, свой бинокль с тепловизором я перед началом этой операции отдал командиру первого отделения сержанту Киму Махалову. Пока сей аппарат ничем бойцам не помог.

– Плохо ты, Ким, биноклем пользовался. Посмотри выше по склону. Ничего не видишь? Прошла почти минута.

– Вижу лазерный луч, – доложил сержант. – Он в небо смотрит. Словно кто-то облака собрался прицельно расстреливать. Там, среди камней, откуда луч выходит, сильное свечение. По фигуре на человека не похоже, слишком уж сильно по земле размазано. Человек так не разливается. Да и свечение какое-то неровное. Одна сторона красно-белая, вторая – красно-черная.

– Это, видимо, кровь так обильно разлилась. Сухогоров рикошетом от камня в него попал, продемонстрировал высший класс стрельбы! – не удержался я и публично похвалил своего первого снайпера.

Эти мои слова слышали все бойцы. Они имели возможность оценить умение сержанта. Этот его выстрел и в самом деле был на удивление хорош. Я даже не слышал о чем-то подобном.

Но для солдат мои слова имели еще и совсем другое значение. Такая вот откровенная положительная оценка вселяла в них уверенность в том, что они имели мощную и весьма квалифицированную огневую поддержку.

Да и сам Сухогоров после похвалы, на которую я обычно бываю не щедр, постарается стрелять еще лучше. Хотя он всегда делает это отлично.

Но сообщение командира первого отделения меня, честно признаться, основательно расстроило. Я надеялся на куда более серьезную добычу в этой вот охоте. А теперь, после того как взорвалась мина, мне уже не приходилось рассчитывать на появление эмира Рагима Арсланова в родном доме.

Я не знал, как он устраивал свои походы туда. Может быть, сначала разведку высылал и лишь потом шел сам вместе с личной охраной. Определить это со стороны было невозможно.

Я даже допускал, что эмир брал с собой людей только в первое посещение, когда еще ничего о положении в селе не знал.

Возможно было абсолютно все. Я не считал себя великим любителем гадания, всю жизнь спокойно обходился без кофейной гущи и даже без колоды карт знаменитой французской предсказательницы мадам Ленорман, услугами которой пользовались Марат, Робеспьер и Бальзак.

Но ждать появления эмира теперь было уже совершенно бессмысленно. Он не пойдет туда, где взорвалась одна мина, догадается, что там могут быть и другие.

Но на минах может взорваться и кто-то из мирных жителей села. Мы никогда такого не допускаем и старательно подчищаем рабочее пространство за собой. Мина, оставленная где-то в горах, высоко и далеко – это одно дело. Такое иной раз случается из-за нехватки времени, когда ведется преследование. Но вероятность подрыва на такой мине мирного жителя ничтожно мала. Далеко в горы они практически не суются.

Совсем другая ситуация может сложиться на окраине села. Тем более что полицейский стукач Артур говорил, будто там, на тропе, иногда играют дети. Всегда найдутся и любопытные персонажи, желающие посмотреть на взорвавшегося кабана. Издали, естественно. Притрагиваться к свинине мусульмане не пожелают. Это проверенный вариант.

– Спасибо! – позвал я сапера.

– Я! – отозвался ефрейтор.

– Ночью снять две оставшиеся мины проблематично?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Вообще-то они считаются извлекаемыми, но в наставлениях делать этого не рекомендуется. Лучше взрывать. Так будет куда безопаснее.

– Тогда отходите, укрывайтесь и взрывайте. Есть шнур?

Ответить ефрейтор не успел. Связь снова прервалась.

– Сухогоров, что там с REX 1? – осведомился я.

– Опять работает, товарищ старший лейтенант, – подтвердил снайпер мои опасения.

– Как на повторный рикошет смотришь?

– Невозможно. С другого места луч идет. Там рикошетить не от чего.

В Москве на форуме по настоянию полковника Коломойникова мне был выделен для эксплуатации REX 1. Не знаю, правда, кто его оплачивал, скорее всего ГРУ, поскольку вопрос о возврате аппарата не поднимался.

Я успел только показать бойцам те приемы работы против беспилотника, которые и сам освоил. Одному человеку из третьего отделения, которому и доверил прибор, я сообщил, что он может работать и как глушитель связи. Еще я кое-чему научил своего заместителя старшего сержанта Ничеухина. Именно он на тренировках показывал лучшие результаты в работе против БПЛА.

Вышло так, что в первом отделении никто не знал даже радиуса действия глушилки.

Сам я прошел обучение только по нейтрализации беспилотников и тоже не слишком-то хорошо понимал работу прибора в каком-либо ином качестве. Но инструкцию я запомнил, уже научился менять головки аппарата, предназначенные для разного использования.

Я должен был бы сообщить командиру первого отделения, что ему следует сдвинуться в сторону метров на пять или десять. Тогда он сможет поговорить со мной. Время не позволило мне это сделать.

Будь сейчас между нами связь, я приказал бы гранатометчику ефрейтору Самойленко сделать выстрел туда, откуда идет лазерный луч. Возможно, этого хватило бы для уничтожения эмира Рагима Арсланова и всех бандитов, которые находились рядом с ним. Сами бойцы не догадались пустить в дело гранатомет. Сержант Махалов не решился взять на себя ответственность, он не знал моих дальнейших планов.

– Катков! – позвал я младшего сержанта, третьего снайпера взвода.

– Я, товарищ старший лейтенант! – тут же отозвался парень.

– Присматривай за первым отделением, комментируй их действия.

– Понял. Работаю.

– Агафонов! Сухогоров! – Я решил загрузить работой первого и второго снайпера. – Следите за противником. Появится возможность, стреляйте на поражение. Бандиты могут зашевелиться, как только первое отделение поднимется. Катков, что там?

– Поднялись, товарищ старший лейтенант. Пока только Спасибог и Махалов. Они зацепили за взрыватели шнур, разматывают его. Остальные перебежали и залегли веером. Стволы торчат во все стороны. Подойти к ним невозможно.

– Ничеухин! – Я воспользовался тем, что старший сержант залег неподалеку от меня. – Дай-ка на пару минут твой бинокль.

Конечно, бинокль с инфракрасным видением не давал такой основательной картины, как мой, оснащенный тепловизором. Но что-то рассмотреть в него было возможно. Я определил, насколько отошли от своего первоначального расположения бойцы первого отделения. Их исходную позицию я хорошо знал, потому что сам следил за тем, как устраиваются бойцы и насколько хорошо маскируются. Сейчас мне показалось, что для восстановления связи не хватает совсем немного, чуть ли не полметра.

Но я должен был подождать, когда сапер с командиром отделения разматывают шнур. Потом сержант даст команду всем удалиться от места взрыва еще дальше и спрятаться за большие камни так, чтобы не достали осколки. Тогда я смогу вызвать своих бойцов на связь.

Длилось все это, понятно, меньше тех двух минут, на которые я попросил бинокль у Ничеухина.

Я услышал команду сержанта Махалова:

– Всем отойти дальше и залечь за укрытия!

Команда подавалась вербально, то есть сержант выкрикнул ее. Но я услышал его слова. Связь была восстановлена.

Я подождал еще пару секунд, пока бойцы залягут, и распорядился:

– Самойленко, готовь гранатомет. Махалов, покажи ему, откуда лазерный луч идет. Выстрел в точку! Мины взрывать потом, когда Самойленко укроется.

– Понял. Делаем.

Пока сержант искал в бинокль точку, куда следовало послать гранату, Самойленко уже подготовил свой «Вампир» к стрельбе. Сошка в РПГ-29 находится сзади, за плечом стрелка. Поэтому парень уложил тяжелый ствол на камень. Потом сержант Махалов смотрел вдоль ствола в бинокль, подсказывал, как надо изменить направление. Только после этого гранатометчик прицелился к прицельному устройству и произвел выстрел.

Взрыв произошел где-то на склоне, практически под спуском с отрога хребта. В ночи полыхнуло яркое пламя, но довольно быстро угасло.

– Вперед! Туда! – дал я команду взводу.

Мы успели пробежать два десятка метров, когда за нашими спинами два минных взрыва слились в один.

– Махалов, догоняй нас.

Бинокль с инфракрасным зрением я отдал старшему сержанту Ничеухину. Не люблю таскать ненужные и бесполезные предметы.

Мы неслись по скользкой глине и не падали только потому, что она была обильно перемешана с камнями самого разного размера. Склон был крутой, и бежать было трудно.

– Сухогоров, видно хоть что-нибудь? – на бегу спросил я снайпера, который вместе с коллегой, как им и полагалось, остались на позиции, прикрывали наш рывок.

– Только камни. Людей мы не заметили. Иначе уже стреляли бы.

Как раз в этот момент с неба хлынул дождь, крупный и холодный. Поднялся ветер, который только утяжелял удары капель в лицо. Может быть, такой дождь был даже спасительным

при беге. Ноги стали скользить чаще, но тело не перегревалось, а костюм «Ратник» воду отталкивал и не промокал.

Глава четвертая

Дождевые тучи принесли с собой кромешную темноту. При прежней плотной облачности ни луна, ни звезды тоже не освещали местность, но все же теперь мрак стал гуще и ощутимее. Мне казалось, что его можно рукой потрогать. Вся эта прелесть усугублялась частыми и плотными дождевыми струями. Хорошо еще, что такой сильный дождь обычно не бывает долговременным. Об этом же говорили и недалекие просветы в тучах на востоке, откуда их нес ветер.

– Очки! – дал я команду и первым выполнил ее, опустив со шлема на глаза стандартные армейские очки ночного видения, сделанные из обычных охотничьих путем нанесения камуфлированного рисунка.

В этом и состояло основное отличие. Я не совсем понимал, кому в темноте был нужен этот рисунок. Но очки все же, наверное, позволяли бойцам, как и охотникам, бежать и не так часто спотыкаться.

Мы поднялись по склону, успев задохнуться от старания больше, чем от самого бега. Легкие у бойцов тренированные. Место разрыва гранаты нашлось без труда. Камни там еще не успели остыть даже под холодным дождем.

Мы обнаружили вход в сравнительно небольшую нору, уходящую под крупный камень. Людей поблизости не было. Граната «Вампира» развалила, расколола на четыре неравные угловатые части крупный валун, расположенный рядом.

Я заглянул за него и за самым крупным осколком увидел тело, распростертое на земле. Человек лежал лицом вниз.

В первый момент у меня возникла надежда на то, что это эмир Рагим Арсланов, но в голове тут же промелькнула мысль о том, что бандиты не оставили бы здесь его тело. Да и ростом эмир был ниже.

Теперь я не опасался выстрелов со стороны, догадался, что бандиты ушли под землю, и включил тактический фонарь, чтобы осмотреть человека. Я сразу понял, что именно он изначально управлял аппаратом REX 1. Подтверждением тому был его бок, развороченный тяжелой пулей «Выхлопа», срикошетившей от камня, расположенного рядом. В свете фонаря на нем отчетливо виднелось место попадания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.